

На стр. 3 сообщается известная фракийская этимология названия реки *Ибър* 'Марица', греч. 'Εβρος, 'Εβρος, в конечном счете — от и.-е. *ejbhro-s (в словаре: *ejbhro-s). Не совсем понятны тогда заключительные слова этой статьи: «или, может быть, от греч. εὐρύς 'широкий'».

В статье о слове *йвер* 1 'щепка', 'палочка' на следующей, 4-й странице слишком кратко сказано об исчезновении начального *i-* в польск. *wibr*, словц. *very*». Следовало бы раскрыть природу этого элемента, которая весьма различалась прежде всего морфологически (мы понимаем *йь-* в праслав. *йьверь как особый древний префикс, вариантный к распространенному *йьз-*) от начала слов *йьмѣти (польск. *mieć*, в рецензируемом словаре опечатка: *те:*), *йьгра (польск. *gra*, русск. *угра́*), где *йь-* входило в основу слова. На стр. 16, в статье о слове *йзба*, составителей словаря можно понять таким образом, что объяснение из романского принадлежит Цв. Тодорову (ИИБЕз 8, 1962), тогда как аналогичная этимология уже давно выдвигалась целым рядом ученых от Мейе до Махека. В краткой статье *йзврѣстен* 'прекрасный, изысканный' (стр. 23), кроме ст.-слав. *йзврѣстънъ*, диал. *йзварсно* и связи с *врѣст*, явно не хватает соотнесения с сербохорв. *йзврѣстан*, *йзврсно* 'превосходно, отлично', не говоря о возможных источниках калькирования в древних и новых европейских языках. Болг. диал. *йзгорѣди* 'шварки', скорее всего, целиком заимствовано из новогреческой формы греч. *σκαρῖδι(ον)* 'шлак', а не образовано от *йзгор-* (*йзгря́м*, *горя́*), якобы контаминированного с (*я*)*горѣди*, ср. *ягорѣда*, как утверждают составители словаря на стр. 26. Очень сомнительно семантически, а особенно — в лингвогеографическом отношении истолкование слова *йзкавля́м* 'играть, танцевать' как *йз-ковалям от неизвестного болгарскому языку *ковал 'кузнец' (стр. 31). Более правдоподобным здесь было бы предположение о наличии приставок *йз-*, *ка-* при глагольной основе *валя-*.

Не без удивления мы читаем на стр. 72, что сближение болг. *ймел*, сербохорв. *ймела*, русск. *омѣла* и т. д. 'растение *Viscum album*' со ст.-слав. *ѡти*, *ѡлж* 'хватать' выдвинул Скок, хотя речь идет о весьма старой этимологии названия этого растения с клейкой корой, использовавшейся с давних пор для ловли птиц. Скок (I, 718) лишь повторяет эту этимологию за своими предшественниками.

Большое количество довольно поздних местных, подчас ограниченных отдельными диалектами, заимствований из турецкого и греческого языков обращает на себя внимание как существеннейший компонент болгарской лексики на *к-* начальное. Это накладывает отпечаток и на общую ориентацию рецензируемого словаря, если иметь в виду, что общеславянистическая, праязыковая и т. п. проблематика занимает в словаре довольно скромное место, трактуется бегло и неравномерно, хотя попадают отдельные полезные примеры и наблюдения также из этой области. Так, на стр. 129 в связи с болг. диал. *кадѣ*, нареч. 'когда' снова поднимается вопрос о существовании праслав. *koda (в словаре — *kadā, что следует, очевидно, читать как традиционное *koda, если исходить из теории В. И. Георгиева о праслав. *ā* : *ā*), которое соответствовало лит. *kadà*, др.-инд. *kadā*, авест. *kadā* с тем же значением.

О. Н. Трубачев

Г. П. Клепикова.

Славянская пастушеская терминология.

Изд. «Наука». М., 1974, 256 стр. ↵

Оживление интереса к карпато-балканской проблематике определило появление многих работ, которые характеризует стремление наиболее полно изучить и научно освоить богатый диалектный, исторический, этнографический материал, освещающий разные стороны материальной и духовной жизни славян карпато-балканской зоны. В работе Г. П. Клепиковой предметом

исследования избирается группа лексики, связанная с пастушеством и характерная прежде всего для карпато-балканской зоны. Особенности пастушеской терминологии изучаются на материале карпато-украинских говоров в сопоставлении с соответствующими материалами славянских и неславянских языков в границах карпато-балканской зоны. Работа Г. П. Клепиковой является в известном смысле продолжением и обобщением результатов исследования Карпатской области по Программе Карпатского диалектологического атласа.

Исследование состоит из пяти частей. Основной части предпослано введение, в котором сжато дается этнографическое описание, характеристика горного пастушества, кратко определяются исходные понятия и методика исследования. Материал пастушеской терминологии изучается выборочно методом лингвистической географии. За единицу сопоставления принимаются лексемы в строго терминологическом значении. Изучаемые термины пастушества разбиваются на три тематические группы: 1) термины, связанные с обозначениями животных по внешнему виду, полу, возрасту (названия с корнями *p(v)řč(k)-*, *tsap, **pъrv-*, **nelěp-*, **birka (byrka)*, **běl-*, **bal(bāl)-*, **broz(br'az)-*, **bar(d)z-*, *vakeša, **kornut(a)*, *šut, *čul); 2) термины, связанные с доением и переработкой молока (термины с корнями **mьlz-*, **doj-*, **c(v)rkatī*, **sēr-*, далее *kolastra, *melzivo, *žentica, *(*d*)*zer*, *syrvatka, *ryndza и др.); 3) названия построек, используемых в пастушестве (*staja, *salaš, **obor(a)*, **košar(a)*, *okol, *koliba, *komarnik, *podišar). В заключение автор формулирует некоторые выводы, касающиеся различных аспектов функционирования пастушеской терминологии в современных диалектах карпатского ареала, а также ее генезиса.

Каждая из глав распадается на самостоятельные этюды преимущественно семасиологического характера, в которых с исчерпывающей полнотой представлено семантическое наполнение избранных для изучения терминов. При этом автор не ограничивает задачи своего исследования изучением семантической дифференциации пастушеских терминов в карпатоукраинских говорах и соседних славянских и неславянских языках карпато-балканской области. Локальное сходство и различие, обнаруживаемое в этой области, прослеживается на широком славянском фоне с учетом диалектных материалов южнославянских и севернославянских языков. В работе широко используются материалы по северновеликорусским говорам, последние данные по говорам Полесья. Автор четко очерчивает ареалы терминов пастушества и показывает, как карпатские изоглоссы продолжаютя на территории южно- и севернославянских языков, а также на территории румынского, венгерского, греческого, албанского и других языков. Все данные о семантике и географии изучаемых слов иллюстрируются на картах, схемах.

Ценность работы определяется широким использованием всех доступных диалектных, этнографических, фольклорных материалов, что позволяет уточнить семантику и ареалы пастушеских терминов по всей славянской территории, помогает выявить сходство и различие в развитии этой группы лексики по славянским языкам. Детальное лингвогеографическое описание содержит интересные данные для изучения семантики южнославянских слов, выявления своеобразия семантического функционирования многих карпатизмов (ср. сохранение каузатива *dojiti с первоначальным значением 'давать сосать, кормить грудью' преимущественно в южнославянских диалектах, стр. 99 и след.).

В результате исследования устанавливается несколько типов пространственных отношений изучаемой лексической группы и тем самым несколько диалектных зон. Автор выделяет три важнейшие диалектные зоны для лексем, выступающих в качестве терминов пастушества. Исключительно карпатский ареал имеют лексемы *vakoša, **bu(n)(d)z*, *žentica, *podišor, *salaš. Карпатобалканские изоглоссы включают лексемы *kornut, **balan (balaia)*, *tsark, *strunga, **ryn(d)za*. Для некоторых лексем удается проследить более широкое распространение. Помимо карпато-балканской области они представлены в севернославянских (ср. **kl'ag*, *tsap, **šut(a)*, *staja и др.) и западнославянских языках (ср. **běl-*, **doj-*, *obora и др.).

Карпато-балканская зона является областью длительного исторического взаимодействия славянских и неславянских языков. В составе пастушеских терминов наряду с исконно славянскими основами, имеющими общеславянское или более узкое распространение, довольно значительное число заимствований из балканских языков. В ходе исследования подробно освещается взаимодействие лексик соседних языков, когда один и тот же термин имеет различное происхождение в славянских языках: в одних языках он является исконно славянским, в других — заимствованием из балканских языков, куда он, в свою очередь, проник из южнославянских языков (ср. *košara и *košar, лексему с корнем **běl-*). Особо подчеркивается, что наряду с балканизмами «существуют специфически карпатоукраинские пастушеские термины, возникшие в результате локальной семантической эволюции исконных и заимствованных лексем» (стр. 245). Ср. *nevarka* 'виды сывороток', *vakeša* 'белая овца с черными пятнами на морде' и др.

Стратификация этой небольшой части карпато-балканской лексики представляет большой интерес для этимологии. И хотя исследование строится на уровне ближней этимологии, попутно затрагиваются вопросы, связанные с выявлением исходного этимона в праславянском и индоевропейском. Пастушеская терминология по большей части относится к этимологически трудной части словаря. Автор, критически оценивая известные этимологии, в ряде случаев предлагает в осторожной форме собственные суждения. Отдельные этимологические выводы автора требуют некоторых замечаний. Так, в статье на *syrvatka автор принимает предположение И. Г. Добродомова о том, что это булгаризм (стр. 145). Но с таким подходом трудно согласиться, так как общеслав. *syrovatka имеет все признаки славянского слова, связанного родством с основой *surъ (ср. русск. *сuroвый*), и морфологический состав его (*sur-ov-at-ъka) не противоречит законам славянского словообразования (ср. русск. *сuroвый*, *красный* — *красноватый* и т. д.). Различия же в фонетическом облике (русск. *сыворотка*, серб. *сурутка* и др.) легко объясняются процессами ассимиляции, метатезы на славянском уровне.

В статье, посвященной слав. *obora, автор осторожно предлагает этимологически различать слав. *obora < *ob-vora 'место, где складывают навоз' и укр., польск. *obora* 'навоз, куча навоза', для последнего предполагается слав. *berg, *bъrati/**bor-* (стр. 187). Но сам материал и развитие семантики, тщательно анализируемые автором, свидетельствуют, напротив, об этимологическом тождестве этих образований и об исходной основе *ob-vora.

Автор объединяет исторически тождественные слова карпато-балканской зоны под так называемой наддиалектной формой, которая в одних случаях соответствует праславянской реконструкции (ср. **рьv-*), а в других аналогичных случаях приводится с обобщенным обозначением гласного в корне (ср. **p(v)rč(k)-*). Эту непоследовательность легко устранить, если применительно к славянскому материалу использовать формы в праславянской реконструкции. Обращение к праславянской форме как исходному началу всех последующих славянских реализаций поможет снять неточности и разнородность в принимаемых обозначениях. Нам представляется также, что нет необходимости вводить в наддиалектные формы расцепленные аффрикаты, ср. *tsap, *tsar.

В целом работа Г. П. Клепиковой «Славянская пастушеская терминология» представляет тщательно выполненное исследование, оснащенное исчерпывающей по данной теме библиографией. Исследование такого рода, подчиненное решению узловых вопросов карпато-балканской проблематики, отражает насущную потребность славистики.

Л. В. Куркина